

Блатной

Автор:

Михаил Дёмин

Блатной

Михаил Дёмин

Михаил Дёмин, настоящее имя Георгий Евгеньевич Трифонов (1926–1984), – русский писатель, сын крупного советского военачальника, двоюродный брат писателя Юрия Трифонова. В 1937 году потерял отца, бродяжничал, во время Второй мировой войны после двухлетнего тюремного заключения служил в армии; после войны в связи с угрозой повторного ареста скрывался в уголовном подполье. В 1947 году был арестован и осужден на шесть лет сибирских лагерей с последующей трехлетней ссылкой. После освобождения начал печататься сначала в сибирской, затем в центральной прессе, выпустил четыре сборника стихов и книгу прозы. В 1968 году отправился в Париж и стал первым писателем-невозвращенцем. На Западе он опубликовал автобиографическую трилогию «Блатной», «Таежный бродяга», «Рыжий дьявол». О политических заключенных написано много, но не об уголовниках.

Михаил Дёмин

Блатной

Автобиографическая трилогия

БЛАТНОЙ

ТАЕЖНЫЙ БРОДЯГА

РЫЖИЙ ДЬЯВОЛ

Михаил Дёмин VS Юрий Трифонов

Ольга Трифонова-Танган

Многие знают писателя Юрия Трифонова, автора «Студентов», «Обмена» и «Дома на набережной». Меньше известен его двоюродный брат, поэт и прозаик Георгий Трифонов, публиковавшийся под псевдонимом Михаил Дёмин. На слуху остались его песни, но автора не вспоминают, думая, что слова народные. Например:

Костюмчик серенький, колесики со скрипом

Я на тюремный на бушлатик променял...[1 - Дёмин М. Блатной. Гл. 40 «Судилище». Цитаты из произведений Дёмина даются по текстам из Интернета (с сайта royallib.com), поэтому библиографические данные и страницы не указываются.]

В прошлом бродяга, вор-майданник[2 - Майданник- вор, специализирующийся по кражам в поездах и вокзалах.], лагерник, искатель приключений, художник и журналист, Дёмин писал не только стихи, но и прозу. Уехав в 1968 году в Париж и став первым «писателем-невозвращенцем», он опубликовал на Западе автобиографическую трилогию «Блатной», «Таежный бродяга», «Рыжий дьявол». Его перу принадлежала также диалогия в уникальном жанре уголовного детектива «Перекрестки судеб», первая часть которой называлась «...И пять бутылок водки», а вторая «Тайна сибирских алмазов». К сожалению, эти книги были впервые изданы в России небольшими тиражами лишь в 90-х годах и читателю почти не известны. А писал Дёмин очень увлекательно, причем с пониманием не только уголовного мира, но и природы и этнографии народов

Севера, истории страны.

О политических заключенных написано много, но не об уголовниках.

«Помимо Солженицына эту тему разрабатывали Гинзбург, Марченко. И десятки других литераторов, отечественных и зарубежных. И в этом плане ничего нового я не добавил бы. Да и вообще задача у меня несколько иная; я отнюдь не стремлюсь к бытописательству. И жизнь даю в особом ракурсе: показываю специфический мир уголовного подполья, мир российской мафии. О нем мало кто знает. О нем никогда еще не писали по-настоящему, со знанием дела. А он заслуживает того! Заслуживает хотя бы из соображений исследовательских, познавательных. В конце концов, это ведь тоже моя Россия! Частичка ее истории, ее судьбы...»[3 - Дёмин М. Блатной. Гл. 47 «Этап, этап, телячьи вагоны».]

Бывая во Франции, я искала могилу Дёмина – своего двоюродного дяди. Поиск растянулся на двадцать лет. Сводная сестра Георгия, Соня Трифонова[4 - Софья Трифонова, 1935 г. р., в прошлом работник финансового сектора, сейчас живет в подмосковном городе Жуковский.], уверяла, что ее брат похоронен под Парижем на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. То же самое утверждала и моя тетья Татьяна, сестра Юрия Трифонова, о чем написала в своей книге «Долгая жизнь в России»[5 - Трифонова Т. Долгая жизнь в России. М.: Собрание, 2008. С. 155.]. Я несколько раз бывала там, рылась в реестрах кладбища, но никаких сведений о могиле или о совместном захоронении ни под фамилией Дёмин, ни под фамилией Трифонов не находила. Случайно в биографическом справочнике о русском зарубежье я обнаружила краткую справку о Дёмине с указанием его могилы в парижском пригороде Клармар[6 - Российское зарубежье во Франции (1919–2000). Биографический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2008.].

Директор кламарского коммунального кладбища Клодин Номи, несмотря на молодой возраст и всего трехлетний трудовой стаж, ориентировалась в своем деле практически наизусть. Она интересовалась судьбами русских аристократов, ученых и литераторов, живших и похороненных в Клармаре, самым знаменитым из которых был философ Николай Бердяев. Именно она и помогла мне найти нужную могилу.

Соня Трифонова и тетка Татьяна допускали, что Дёмин мог быть похоронен вместе с белыми офицерами – он был дальним родственником командующего Донской армией генерала Святослава Денисова – или вместе с донскими казаками – соответственно своему происхождению. В действительности же он оказался в могиле мадам Лермонтовой (1852–1930) из разветвленного рода великого поэта, к которому также относилась и последняя спутница его жизни Шарлотта, организовавшая отпевание и похороны. Транскрипция фамилии Дёмина на основании православного креста была по-французски точной, но смотрелась непривычно, напоминая греческое имя: Georges Trifonov – Mikhail Diomine (1926–1984).

Когда первая эйфория от завершения поисков улеглась, я навела справки, кто платит за участок на кладбище. Во Франции принята форма концессий – аренды участков с оплатой на тридцать или пятьдесят лет вперед. Выяснилось, что за два года до моего появления вдова Дёмина приезжала в Кламар продлить концессию. Поиск ее контактных данных в архиве и компьютере кладбища занял считанные секунды. Директор кладбища позвонила вдове Дёмина – Шарлотте Крайс-Вольпер – и, получив разрешение, дала мне все ее координаты.

После того как поиски последнего пристанища Дёмина и его французской спутницы жизни закончились, я почувствовала облегчение, как будто нашла недостающую часть пазла, закончившую общую картину. История двоюродных братьев Георгия и Юрия Трифоновых получила свое завершение.

«Они и внешне были разные, хотя чем-то похожи»

Отцы Георгия и Юрия Трифоновых – братья Евгений и Валентин – были донскими казаками с хутора Новочеркасский. Дети они рано осиротели и воспитывались в чужих домах, имели лишь начальное школьное образование. Подростком Евгений сошелся с ростовской криминальной группой «серых». Валентин же в 1904 году, в 16 лет, вступил в партию большевиков, куда вскоре перетянул и старшего брата. Оба стали профессиональными революционерами и несколько лет провели в царских тюрьмах и ссылках. Внешне братья были похожи, что послужило им однажды на пользу. Когда в 1906 году за политическое убийство жандарма Евгению, как уже совершеннолетнему, грозила казнь, он выдал себя за несовершеннолетнего Валентина, и поэтому наказание ограничилось ссылкой, откуда удалось бежать. Путаница с именами продолжалась несколько лет, пока с ней не разобрались через суд, но в критический момент Евгений был

спасен.

Оба брата участвовали в создании Красной армии, играли активную роль в Гражданской войне и занимали важные посты в первом Советском правительстве. Валентин всегда выглядел серьезнее и основательнее, чем старший Евгений. И во многих делах брал над ним шефство.

«Валентин, хотя и младший, был уравновешенней, трезвее, Евгений же был вспыльчив, драчлив, в крови его кипело казачье буйство.

Они и внешне были разные, хотя чем-то похожи: отец широкоплечий, черноволосый, Евгений был рыжеват, строен и всегда казался моложе брата. Оба немного близоруки. Это было семейное, хотя отец и рассказывал, что зрение у него сильно ухудшилось в тюрьме, после побоев»[7 - Трифонов Ю. Отблеск костра. М.: Советский писатель, 1966. С. 7-8.].

Из-за неукротимого нрава Евгений часто попадал в трудные ситуации, у него возникали конфликты и проблемы на работе. Тогда он обращался за помощью к брату Валентину, который умел все улаживать. Моя бабушка Евгения Лурье говорила: «Михаил[8 - В повести Ю. Трифонова «Исчезновение» его отец и дядя фигурируют под вымышленными именами: Валентин Трифонов – под именем Николай Баюков, Евгений Трифонов – под именем Михаил Баюков.] не умеет ладить с людьми. У него тяжелый характер. Вот удивительно: два брата, а совсем разные!»[9 - Трифонов Ю. Исчезновение. М.: АСТ, 2000. С. 170.]

Политическая карьера складывалась успешнее у Валентина. Он занимал важные посты в правительстве, служил дипломатом в Китае и Финляндии. У него была крепкая семья с женой Евгенией Лурье и двумя детьми – Юрием, ставшим потом известным писателем, и Татьяной[10 - Валентин Трифонов также имел дочь от первого брака – Евгению Вахмистрову. Моя бабушка Евгения Лурье поддерживала с ней хорошие отношения. В семье их называли «Женя большая» и «Женя маленькая».]. Жил он напротив Кремля в Доме правительства на Берсеневской набережной. Евгений же последние годы проводил в подмосковном поселке старых большевиков Кратово. Семья его рано распалась, но двое сыновей от брака с красавицей Ликой – Андрей и Георгий – остались вместе с ним. Правда, ему повезло со второй женой Ксенией, родившей ему дочь Сонечку. В «Исчезновении» Юрий Трифонов так воспроизводит отношения отца и дяди:

«Николай Григорьевич угрюмо смотрел на брата. Тяжесть в середине груди вновь сделалась ощутимей. Он думал: брату пятьдесят три, выглядит на шестьдесят, разрушен временем, невзгодами и все еще мальчишка в душе. Люди, которые в юности были стариками, в старости делаются мальчишками. И размахивают игрушечными шашками в своих кабинетах...

Поэтому его собственная злость исчезала, едва возникнув. Он не мог долго сердиться на брата, старого дебошира, родного крикуна, на этого фантастического неудачника, у которого к концу жизни не осталось ничего – ни дела, ни семьи, ни дома»

Только в одном Евгений превосходил брата Валентина – он был поэтом, автором книг тюремной лирики, пьесы, биографических романов и членом известного в 1920-х годах литературного объединения «Кузница». Он печатался под псевдонимом Евгений Бражнев. Присутствие в семье настоящего писателя будоражило воображение их сыновей Юрия и Георгия. Им тоже хотелось стать писателями. В семейной библиотеке, в запахе старых книг крылось необыкновенное очарование. Книги, старинная энциклопедия Брокгауза и Ефрона привлекали мальчиков намного больше, чем коллекция оружия и шпаг, хранившаяся в кабинете Валентина, или военная гимнастерка с орденами, которую неизменно носил Евгений.

Одна из последних встреч Евгения и Валентина состоялась в 1937 году, незадолго до трагической гибели обоих.

«Михаил сидел на краю дивана... После молчания сказал:

– Знаешь, Колька, а мы сей год не дотянем...

Николай Григорьевич не ответил. Походил по ковру в мягких туфлях, нагнулся, очистил с брючины полоску пыли, неведомо откуда взявшуюся, – может, от детского велосипеда, который стаскивал сегодня с антресолей? – и, разгибаясь, чувствуя шум в ушах, сказал:

– А вполне возможно. – И сказало́сь как-то спокойно, рассеянно даже. – Вполне, мой милый. Но дело-то вот в чем... Война грядет. И очень скоро. Так что внутренняя наша распря кончится поневоле, все наденем шинели и пойдем бить фашистов...»[11 - Трифонов Ю. Исчезновение. С. 314.].

Портрет Валентина Трифонова, висевший в кабинете Юрия Трифонова

Летом того же года пришла беда – так называется глава в книге Михаила Дёмина «Блатной»:

«В один из таких вечеров отец явился домой с запозданием – усталый, вымокший и необычайно угрюмый.

– Господи, – сказала Ксения, – что случилось? На тебе лица нет...

– Арестован Валентин, – сказал, запинаясь, отец. – Странные вещи творятся в Москве...

Голос его пресекся...

– Валентин? – ахнула Ксения, бледнея.

– Да. Сегодня.

...Я долго не мог уснуть; сквозь неплотно притворенную дверь сочился свет, доносились всхлипывания Ксени, тревожные, приглушенные голоса.

Именно тогда впервые услышал я слово «террор».

– Понимаешь, я был в академии, готовился к докладу, – рассказывал отец. – И вдруг звонок. Насчет Валентина... Ну, я сразу – в ЦК. А там говорят: ваш брат оказался врагом...

– Но как же так? – удивлялась Ксения. – Какой же он враг? Известный революционер, крупный дипломат. Живет в Доме правительства... Нет, тут, наверное, ошибка.

– Дом правительства, – протяжно сказал отец. И сейчас же я представил себе обычную его хмурую усмешку. – Этот дом уже наполовину пустой... Взяли не только Валентина, взяли многих! Такого террора страна еще не знала.

– Господи, Господи, – забормотала Ксения. – Что же теперь будет? Значит, тебя тоже могут арестовать...

– Могут.

Отец умолк.

...О судьбе Валентина отец так и не смог ничего узнать; младший брат его исчез бесследно – и навсегда. Где он погиб? Когда? При каких обстоятельствах? Вероятно, его, как и многих, расстреляли в подвалах Лубянки...»[12 - Дёмин М. Блатной. Гл. 12 «Беда»].

После этого Евгения сняли со всех постов и отправили в бессрочный отпуск. Началось ожидание собственного ареста. Евгений перестал спать, зная, что аресты происходили по ночам. И все Кратово тоже не спало, в окнах горел свет и мелькали чьи-то тени. Эту жуткую картину наблюдали однажды из окна своей детской Георгий и его брат Андрей. Каждую ночь отец надевал парадный военный мундир, как моряки одевали перед штормом чистую одежду. И сын, просыпаясь, слышал через стену громкие шаги отца по кабинету. Иногда отец читал вслух свои стихи.

«И с этих пор началась у нас странная жизнь – тревожная, призрачная, бессонная. Все ночи теперь отец проводил в своем кабинете, курил и расхаживал, поскрипывая сапогами. Он ждал ареста! Знал, что в любую минуту за ним могут прийти (приходили, как правило, по ночам), и потому не спал. Не желал быть захваченным врасплох. Хотел достойно встретить беду и разделить участь брата. А беда была близко; она бродила где-то за порогом, и любой сторонний звук – шорох шин за окном, шаги на лестнице, дребезг звонка – все напоминало о ней, дышало ею... Молчаливый, затянутый в ремни, он ходил до рассвета – размеренно, грузно, сцепив за спиной руки по старой тюремной

привычке. Эту привычку он приобрел в казематах Николаевской России. Прошло почти тридцать лет, и вот сейчас он как бы вновь вернулся в прошлое.

Однажды, пробудясь случайно перед зарей, я услышал негромкий глуховатый басок; отец читал в одиночестве стихи из книги «Буйный хмель» – он вспоминал свою молодость. «От окна и до дверей, – читал он в раздумье, – шесть шагов в докучном круге. Медлит ночь в холодной скуке. Тихо в камере моей! Лишь шаги по гулким плитам отмеряют бег минут... И ничто, ничто уж тут не напомнит о забытом. Было прежде что-нибудь? Есть ли что-нибудь на свете? Эти стены, камни эти! Грязь и холод, мрак и жуть».

...Поселок медленно угасал. Волна арестов катилась по Кратову, захлестывала дома и затопляла их тьмою. Она все ближе подступала к нам. Все меньше оставалось в ночи светящихся окон... И, наконец, настал черед отца. Нет, он не был арестован; он умер сам, от инфаркта. Всю жизнь он носил военную форму – только ее! И умер в ней; принял удар как в строю, как на поле сражения.

...Навсегда, на всю жизнь, запомнил я кратовские ночи... И гулкие бессонные шаги отца. И отчаянный Ксении крик: – Кто же он, этот Сталин? Сумасшедший? Злодей? Кто? И задыхающийся, негромкий голос отца:

– Не знаю...

И нередко теперь, думая об отце, я ловлю себя на мысли: как знать, может быть, ранняя, безвременная кончина была для него благодеянием, своеобразной милостью судьбы? Он не увидел, не узнал всех последствий террора – и слава Богу! Все равно ведь он никогда бы не смог примириться с происходящим; не вынес бы, не стерпел, сам не захотел бы жить дальше... Сталь гнется только до известного предела, а затем ломается – мгновенно и напрочь. И, судя по всему, тогда, в Подмосковье, он уже ощущал в себе этот надлом»

«Опять мне видится далекое Подмосковье»

Двоюродные братья Юрий и Георгий Трифоновы родились с разницей в один год: Юрий в 1925 году, Георгий в 1926-м. Оба уже в детстве прекрасно рисовали и сочиняли стихи. Рассказывали, что у них были похожие голоса, но не внешность. Юрий был высокого роста и крепкого телосложения. А Георгий был среднего роста, худой, сутулый, имел более светлые волосы. Характерами они во многом напоминали своих отцов. Юрий, как и Валентин, был сдержанный, немногословный, даже мрачноватый. Георгий, как Евгений, – балагур, великолепный рассказчик, выдумщик, легко сходился с людьми. Юрий ко всему относился обстоятельно. Георгий, напротив, отличался легкомыслием и безответственностью. Как и свои отцы, оба рано осиротели и были лишены материнской заботы: мать Юрия восемь лет провела в лагере для жен «врагов народа», а мать Георгия оставила семью, когда сыну не было и семи лет.

В детстве кузены дружили. Короткий и счастливый период из жизни двух мальчиков запечатлен Юрием Трифоновым в «Исчезновении», где автор представлен Гориком, а Георгий – Валерой.

«С Валерой Горик виделся редко – дядя Миша жил за городом, в поселке Кратово, – но, уж когда братец приезжал в Москву, они с Гориком устраивали такой «тарарам», такой «маленький шум на лужайке», такой «бедлам», по выражению мамы, что у соседней внизу качались люстры. Часами они могли кататься по полу, сидеть друг на друге верхом, кружиться и пыхтеть, стискивая один другого, что есть мочи, стараясь вырвать крик боли или хотя бы еле слышное «сдаюсь». И чем больше они потели, разлохмачивались, растрепывались, изваживаясь в пыли, чем сильнее задыхались и изнуряли друг друга, тем радостнее и легче себя чувствовали; это было как наркотик, они делались пьяные от возни, понимали умом, что пора остановиться, что дело кончится скандалом, но остановиться было выше их сил.

...Девчонки по другую сторону елки играли в какую-то настольную игру. Они были сами по себе, а Горик и Валера сами по себе. Но в миг паузы Валера прошептал Горику на ухо: «Знаешь, почему мы тут возимся?» – «Ну?» – спросил Горик. «Потому что перед этой Асей показываемся». Горик промолчал, пораженный. Горику было одиннадцать с половиной лет, а Валере просто одиннадцать, и он не такой уж сообразительный, гораздо меньше читал, но сказал правду. Как же он так угадал про Асю? Уязвленный чужой пронизательностью, Горик спрыгнул с дивана и крикнул: «Айда в кабинет!»[13 - Трифонов Ю. Исчезновение. С. 166–167.]

Юрий Трифонов не раз упоминал в своих произведениях те небольшие детали, которые связывали его с отцом – запуск с ним бумажных змеев на даче в Серебряном Бору, игру в маджонг, привезенную Валентином из Китая, три финских ножика, которые тот купил в Финляндии. Финки дополнили коллекцию оружия отца в кабинете. У Юрия Трифонова есть грустный эпизод, как в детстве он после ареста отца полез в стол за ножиками, но ему быстро расхотелось в них играть. И как потом один за другим все они исчезали. Один нож он отдал старшему брату Георгия – Андрею Трифонову, когда тот уходил на фронт. Второй ножик он подарил одной девчонке («но это не помогло»).

«...а финку средних размеров стащил из дома двоюродный брат Гога, сирота, бродяга и бездельник, однако не без таланта: он рисовал и писал стихи. Однажды Гога приплелся обшарпанный, грязный, то ли с вокзала, то ли из тюрьмы – была осень сорок пятого, я еще работал на заводе, а он витал неведомо где, что занимало меня чрезвычайно, и была какая-то другая сила, заставлявшая меня его любить, – и вот он всю ночь рассказывал о своих похождениях, пил крепчайший чай, за пристрастие к которому имел кличку Чифирист, я в увлечении записывал в блокнот словечки и песни той пучины, откуда он вынырнул на мгновение, надеялся когда-нибудь словечки использовать, но не использовал, а наутро он исчез вместе с финкой»[14 - Трифонов Ю. Серое небо, мачты и рыжая лошадь. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1987. С. 243-244.].

Возможно, Георгий воспринимал финку не только как оружие, но и как напоминание о детстве – иногда он в справках указывал, что родился в Финляндии (в другом контексте он заявлял, что родом из Ростова-на-Дону, хотя, скорее всего, он родился в Москве). Теперь этот факт трудно проверить. Но это и не исключено, поскольку именно в те годы Валентин Трифонов служил советским торгпредом в Хельсинки, и беременная супруга его брата могла приехать в Финляндию, чтобы навестить семью и 18 июля 1926 года родить там сына. Известно, что Татьяна Трифонова родилась в Хельсинки 14 апреля 1927 года. Почему же чуть раньше там не мог родиться и Георгий?

Беззаботное детство Георгия было коротким. Оно прошло с отцом, братом Андреем и сводной сестрой Соней в поселке старых большевиков Кратово. Это была лучшая пора его жизни:

«Вот я закрываю глаза, и опять мне видится далекое Подмосковье»[15 - Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье»].

После смерти Евгения Трифонова его жена Ксения прожила недолго, Соню взяли на воспитание ее тетки, а Георгий со старшим братом Андреем переехали в московскую квартиру матери. Та жила у нового мужа, ей было не до детей, и для ведения их хозяйства она наняла домработницу.

Георгий Трифонов, рядовой 8-го Казачьего корпуса. 1944 г.

«Похоронив отца, я перебрался в Москву, к матери, которая давно уже жила отдельно от нас...

Однако московская жизнь моя не задалась; все в ней было худо.

Мать жила с новым мужем – и дети от первого брака были для нее обузой... По сути дела, я оказался предоставленным сам себе.

На меня никто не обращал внимания. Никто, за исключением, пожалуй, полицейских властей. А вот этого я как раз боялся больше всего»[16 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Воля».]

Георгий часто обижался на свою мать. Но у нее самой была непростая биография. Лика (Елизавета) Беляевская происходила из дворянского рода. Ее отец был известный в Новочеркасске нотариус Владимир Беляевский, имел собственный дом. Она приходилась племянницей генералу Святославу Денисову, главнокомандующему Донской белой армией. В 1919 году красный комиссар Евгений Трифонов украл невесту (с ее согласия), увезя ночью из дома на казачьей тачанке:

«Событие это вызвало в Новочеркасске немалый переполох. Связь красного комиссара с дворянкой, племянницей самого Денисова, была скандальной и озадачила всех. Что ж, это понятно. Революция не терпит полутонов. Она отчетливо и безжалостно делит мир на два лагеря, на два цвета. И отец мой, и мать – оба они как бы совершали отступничество, изменяли классовым идеям эпохи»[17 - Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье:»].

В 1925 году мать и старшая сестра Лики эмигрировали во Францию и обосновались в Париже. Все эти обстоятельства не способствовали легкой жизни Лики в Советской России. Тем не менее она имела все необходимое и ни в чем не нуждалась. В этом ей помогали красота и умение привлекать мужчин. Ее трое мужей содействовали ей во всем. Она делала карьеру по женской линии. О себе и своих детях Лика говорила: «Лес рубят – щепки летят. Вот мы и есть эти щепки». В одном из рассказов Дёмина мне даже попало такое выражение: «Праздник щепок». Что это был за удивительный день?

Лику я видела однажды у моей бабушки Евгении. Она была совершенно седой, но это была благородная седина, похожая на парик, который носили дамы в XVIII веке. Не случайно мой отец, а за ним и я называли Лику «маркизой». Ее белые волосы контрастировали с тонким фарфоровым румянцем на лице и синими глазами. Помню на себе ее внимательный, оценивающий взгляд. Она посмотрела на меня как женщина на женщину. Тетка Татьяна рассказывала, что один раз Лика предложила ей: «Отдай мне Машу. Я сделаю из нее женщину». Моя кузина Маша была тогда еще девочкой.

У Трифонова в «Доме на набережной» Лика послужила прообразом матери Шулепникова, хотя и в виде смуглой брюнетки, а в автобиографическом «Исчезновении» уже показана такой, какой была, под именем Ванды:

«Ванда, конечно, сдала, располнела, но все еще красивая, милая, совсем седая, такая маркиза восемнадцатого века. В тридцать семь лет вся седая! Но как всегда, как двадцать лет назад, поразительное равнодушие ко всему, что не касается ее личности. Точнее говоря, ее личной жизни. Какая-то совершенно ветхозаветная и наивная аполитичность. Ничем не интересуется, ничего не знает. Вся в мечтах, в глупостях. Дипломат задурил ей голову, обещал, что на будущий год поедут во Францию, поселятся на Лазурном берегу, и она ни о чем другом не может ни говорить, ни думать. Волнуется, что не пустят за границу, потому что у нее во Франции старшая сестра с матерью. Словом, Ванда это Ванда, птичка божья»[18 - Трифонов Ю. Исчезновение // В кн.: Дом на набережной. Время и место. М.: АСТ – Олимп – Астрель, 2000. С. 306.].

В «Доме на набережной» описывается поездка матери Шулепникова – Лики – во Францию на встречу с сестрой через пятьдесят лет разлуки. Со слов самой Лики, эта история выглядела так. Когда она вышла из вагона на парижский перрон, к ней навстречу двинулась сгорбленная старушка, в которой она с трудом узнала

сестру. Та все эти годы содержала русское бистро с блинами и икрой, где сама же все и готовила. Лика в Москве для таких дел всегда держала прислугу. Конечно, после этого Париж утратил для нее всякую привлекательность.

«Быть тебе поэтом!»

Когда разразилась война, старшего брата Георгия, Андрея, призвали в армию, где он вскоре погиб. В 1942 году Георгию исполнилось шестнадцать лет, и он по легкомыслию не явился по повестке на военный завод. За нарушение Указа о всеобщей обязательной трудовой повинности он получил два года принудительных работ. Заключение Георгий отбывал в Краснопресненской тюрьме в Москве. Позже он утверждал, что его первая тюрьма была самой ужасной. Надо отдать должное Лике: совестясь, что мало заботилась об Андрее, погибшем на войне в девятнадцать лет, и упустила Георгия, угодившего в тюрьму в шестнадцать, она предпринимала все, чтобы облегчить участь сына. Она регулярно носила ему передачи и добилась сохранения за ним московской квартиры, в которую, правда, все же подселили новых жильцов.

Через год с небольшим Георгия выпустили досрочно из-за слабого здоровья, но вскоре призвали в армию. Вернувшись с войны, он начал работать в дизайнерском бюро автомобильного Завода им. Сталина (сейчас Завод им. Лихачева – ЗИЛ) и брать уроки рисования у известного художника Дмитрия Моора. Но вскоре бывшим осужденным стали давать новые сроки. Его товарищей по работе арестовали, и Георгия вызвали в отдел кадров. Почувствовав опасность, он ускользнул с завода, без документов бежал из Москвы и начал бродяжничать. От отчаяния, голода и безденежья он в Ростове прибил к воровской шайке, где встретил знакомых по Краснопресненской тюрьме. Там он получил квалификацию майданника – вора в поездах, которая в целом отвечала его характеру – он любил приключения, путешествия, опасности. Любил «шататься» по миру:

Я б судьбу свою не досказал,

Если б я не вспомнил про вокзал!

Время беспокойное связало

Наши судьбы с суетой вокзала[19 - Дёмин М. Блатной. Гл. 15 «Поезда двадцатого столетия».]

Началась воровская жизнь, описанная в трилогии «Блатной», «Таежный бродяга», «Рыжий дьявол», напоминающей приключения барона Мюнхаузена, всегда выходившего сухим из воды. Георгий часто вспоминал своего отца Евгения Трифонова. Тот тоже сначала связался с уголовниками, а в тюрьмах и ссылках занялся литературой (под именем Е. Бражнев):

«Там, на каторге, он начал писать и стал поэтом. Он создал книгу стихов «Буйный хмель», впоследствии принесшую ему известность и оставшуюся в литературе как своеобразный и, пожалуй, единственный в своем роде образец тюремной и каторжной лирики начала нашего века. Отдельные стихи на эту тему были тогда, конечно, не редкостью – они встречались у многих поэтов, но целая книга, специальный сборник, имеется только у него...

(И сейчас, когда я пишу эти строки, я думаю о том, как много общего в наших с ним судьбах! Мои скитания тоже ведь начались на юге, на Дону, среди ростовских бродяг и уголовников. И по тем же самым каторжным пересылкам, по тем же этапам прошел я в свое время! Одно и то же количество лет провели мы в тайге, и первый мой поэтический сборник, вышедший в Сибири, состоял в основном из стихов, написанных в заключении и в ссылке...)

Книга «Буйный хмель» создавалась свыше десяти лет – в лесных острогах, на завьюженных рудниках. И наконец, незадолго до освобождения (свободу отцу принесла амнистия, объявленная в честь трехсотлетия Дома Романовых) он высылает стихи в Питер, брату Валентину Трифонову»[20 - Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье».]

Отец оставался для Георгия главным авторитетом. Когда он наказывал сына за проказы ремнем, тот не обижался, если считал наказание справедливым. При этом отец наставлял его:

«– Вообще, не бойся битья. Не смей бояться. Помни – от этого не умирают.

И еще:

– Умей держать удар, принимай его без опаски. И уж если случится драка – не плачь, не беги. Отбивайся, как можешь. И самое главное, не бойся! Хитрить в схватке можно, трусить нельзя»[21 - Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье»;].

Ксения, приемная мать Георгия, ужасалась и возмущалась. Ей казалось, что в мирное время это совершенно бесполезная наука:

«...Ты все меряешь своим прошлым, а оно, я уверена, не повторится! Поговорил бы лучше о книгах, о литературе.

– Что ж, – усмехался отец и легонько ладонью ворошил мои вихры, – можно и о литературе... Если сравнить ее с дракой, то возникает парадокс. Качества, необходимые в первом случае, абсолютно неуместны во втором; они как бы взаимно исключают друг друга. В драке нужны злость и хитрость, а в искусстве, в творчестве, наоборот, – доброта»[22 - Там же.].

Отец оказался прав, Георгию пригодилась эта школа. В тюрьме он знал, как за себя постоять. Тогда ему и дали кличку Чума. Он рассказывал, что в «блатном» мире кличка отражает либо внутреннюю суть человека, либо внешние особенности. А в нем бушевала дикая казачья кровь. Когда на него нападали, он становился «чумовым».

Прожив некоторое время в таборе с женой-цыганкой, обитая в «малинах», занимаясь поездными кражами, проведя пять лет в главных сибирских лагерях – на Колыме, на 503-й стройке Краслага (под Красноярском), в Норильске, Георгий полностью вписался в воровскую среду. Более того, он стал «вором в законе». Можно только догадываться, сколько пассажиров он надул и обворовал на вокзалах и в поездах, чтобы заслужить такой авторитет.

В тюрьме Дёмину приходилось скрывать свое истинное происхождение. Старый друг слепил ему нужную биографию: мать – проститутка, отец – профессиональный вор. Приходилось тщательно скрывать и то, что он служил в армии. Уважающий себя блатной никогда не должен был соприкасаться с властями, иначе доверие к нему утрачивалось. Тем не менее Дёмин выделялся из воровской среды начитанностью и литературными способностями. Он сочинил несколько блатных песен, которые распространились по всей стране. Уголовники, особенно бывалые, ценили его дар и даже «командировали» на международную воровскую конференцию во Львов. Один из них однажды строго пресек насмешки над его сочинениями:

«– Кончайте треп, жиганы, – сказал тогда Солома, – что вы во всем этом смыслите? – И строго из-под нависших бровей посмотрел на своих партнеров. –

Ваше дело курочить замки. А литература – не про вас. Это работёнка особая, тонкая, непростая... И у поэтов всегда так бывает: начало трудное, но зато потом... Я это могу подтвердить. Все-таки я —...ценитель Есенина – знаю, что такое творческая жизнь!...И знаю этого пацана – как он сочиняет. И верю в него! Ведь не зря же вся босота – от Колымы до Черного моря – поет его песни... А это тоже что-нибудь да значит!

Вот какую речь произнес ростовский этот медвежатник! Хорошо он сказал, хорошо. Я посмотрел на него с благодарностью. С ним мне всегда было легко»[23 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Вокзал».]

В тюрьме Георгий, как и отец, занялся самообразованием и потянулся к тем, кто мог бы его чему-то научить. Так он познакомился с политическими заключенными. Среди них были врач Левицкий и литератор Роберт Штильмарк, написавший в лагере ставший в 1950-х годах бестселлером приключенческий роман «Наследник из Калькутты». Это были первые люди, распознавшие в Дёмине будущего литератора и давшие ему много полезных советов. Левицкий отправил сборник стихов Георгия через друзей в Красноярское отделение Союза писателей. Штильмарк подарил ему книгу об оформлении и редактировании газеты, сказав при этом: «Запомни, журналистика – это путь в литературу». Он оказался прав. Изучение этой книги сильно помогло Дёмину, когда он начал работать корреспондентом и ездить по сибирским городам собирать материалы.

Когда Дёмин освобождался из заключения, общая сходка – «толковище» – отпустила его из «кодлы», постановив: «Быть тебе поэтом!» Блатные уважали его талант и с интересом и участием ждали его творческого дебюта.

«Крадущийся во тьме на водопой»

Освобождение из лагеря в Советском Союзе не означало восстановления в правах. Бывшие заключенные не имели права селиться и даже появляться в 17 главных городах, а где можно было проживать, их не брали на хорошую работу. Выйдя из заключения в 1952 году, Дёмин получил направление на три года ссылки в Абакан, но, собираясь заняться литературой, в нарушение всех предписаний поехал в Москву:

Шумит столица. Кружится столица.

Так просто в этом сонме заблудиться.

Но словно лось, неведомой тропой,

Крадущийся во тьме на водопой,

Лишь дрожью сердца да чутьем ведомый,

Я выхожу к единственному дому.

Высокий дом. Я у его порога,

Как у подножья снежного острога.

Знакомый дом. Далекое окно.

Темно оно. Я не был здесь давно[24 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Блудный сын».]

Бывшему блатному не так легко было стать советским писателем. Хотя Дёмин заявлял, что всего хотел добиться сам, он решил обратиться к своему кузену Юрию Трифонову, которого считал баловнем судьбы.

В чем Трифонову действительно повезло по сравнению с Георгием, так это с домашним воспитанием. Сначала им занималась мать – Евгения Лурье – интеллигентная и выдержанная женщина. К образованию она относилась очень серьезно: приобщала к чтению и рисованию, учила иностранным языкам, даже наняла немецкую бонну. Она любила театр и ставила со своими детьми – Юрием и Татьяной – театральные скетчи, ею самой написанные. Когда в 1937 году Валентина, а потом и Евгению арестовали, детей взяла под опеку строгая, дисциплинированная бабушка по материнской линии, убежденная коммунистка Татьяна Словатинская. Жизнь была скудной, но в ней существовал регламент, дети находились под постоянным присмотром. Благодаря этому они смогли окончить школу и поступить в институт.

Трифонову также рано повезло в профессиональном плане. После первого романа «Студенты» (1950) он в двадцать пять лет стал самым молодым лауреатом Сталинской (Государственной) премии. Многие коллеги и друзья завидовали. Он слишком быстро прославился и занял не по возрасту привилегированное положение. Он и так пользовался семейной дачей в Серебряном Бору в поселке старых большевиков, которую удалось сохранить после ареста отца, а после правительственной награды и вовсе зажил на

широкую ногу.

С другой стороны, в отличие от Георгия, чей отец умер своей смертью, Юрия долго преследовала тень расстрелянного отца, а сам он считался сыном «врага народа». В 1951 году Трифонова чуть было не исключили из комсомола, что в те годы означало бы конец карьеры. При поступлении в Литинститут он схитрил, просто написав официальную дату смерти отца, не вдаваясь в подробности. Кто-то из недоброжелателей донес, что спровоцировало громкий скандал. Ему сильно потрепали нервы на комсомольском собрании и после несколько лет не печатали. Позже Трифонов рефлексировал по поводу анкеты:

«И еще: глубинным, тайным, каким-то даже чужим и оттого, наверное, истинным умом понимал, что та правда, которую требовалось написать, не была правдой. И обман, значит, не был настоящим обманом. Был всего-навсего обманом обмана. Это никому пока не известно, и, может быть, еще долго не будет известно, и ему самому известно не окончательно, но он чуял, что правда тут не простая, какая-то двойная, секретная»[25 - Трифонов Ю. Исчезновение. С. 190.].

Страх утратить возможность писать и печататься преследовал Трифонова долго. Отпустило только в период «оттепели».

Юрий взялся помочь Георгию в литературных контактах и посоветовал начать писать прозу, используя богатый жизненный опыт. Как ни странно, Дёмину не приходила в голову столь простая мысль, но постепенно он оценил мудрость брата. Первую встречу представителей двух разных миров Дёмин описывал, фиксируя не без иронии бытовые детали.

«Немного передохнув и освоившись на новом месте, я начал действовать. И прежде всего поспешил навестить двоюродного своего брата – Юрия Трифонова – молодого преуспевающего прозаика. Об успехах Юры я узнал еще в Сибири, в экспедиции, – из московских газет... Однажды мне попала заметка о том, что писатель Ю.В. Трифонов удостоен Государственной премии за роман о студенческой молодежи. И я подумал тогда – со смешанным чувством восхищения и легкой зависти: братишка не теряет времени даром! Он всегда жил правильно. Ему ничто не смогло помешать – ни террор, ни распад семьи, ни гибель наших стариков... братишка все это время спокойно учился, постигал премудрости, упорно писал. Не торопясь, шел к заветной цели. И вот, достиг ее наконец!

...Юра был на гребне, в расцвете – это чувствовалось по всему. Он жил в новом, недавно отстроенном «писательском» доме, имел свою машину, «Победу». И успел уже обзавестись семьей; был женат на Ниночке Н. – известной оперной певице (Нине Нелиной, моей маме. – О. Г.).

– Ой, как у вас голоса похожи! – сказала, всплеснув руками, Ниночка, – та же манера говорить... да и жесты... Но характеры – это заметно – разные. Что ж, мальчики, выпьем за вашу встречу!

Мы выпили. И потом – еще. И после третьего захода Юра заставил меня рассказать о себе. Рассказ был долгий. И когда он кончился, Юра заметил, задумчиво надув толстые свои губы, вертя в пальцах рюмку:

– Какой сюжет! Какая благодатная тема! Да ведь из этого можно сделать грандиозный роман.

– Ну уж и грандиозный, – усомнился я, – приключения, блатные авантюры, что в этом серьезного? Развлекательное чтение... Почти что сказочка...

– Чудак, – усмехнулся Юра, по-прежнему играя рюмкой (рюмка была граненая, тончайшая, таящая в себе певучий хрустальный звон; впервые за много лет я ужинал среди крахмальных салфеток и хрусталя). – Чудак, ей-богу. Да ведь эти авантюры – твоя жизнь. Реальная, доподлинная – не высосанная из пальца! Такое «чтиво», такие «сказочки» обычно рождаются в кабинетах. Писатели творят их в муках, изощряются, изобретают ходы... А тут ничего не надо изобретать, только рассказывай. Рассказывай правду. Без фокусов, без литературных штучек. Куперу и Стивенсону, к примеру, без этих самых штучек обойтись было нельзя. У тебя перед ними великое преимущество. Так пользуйся этим. Эх, мне бы такой материал...

...Мне все время казалось, что он говорит со мною не всерьез – попросту успокаивает меня, тешит... В конце концов, что стоит ему – удачливому, добившемуся всех благ – подбодрить заблудшего кузена? Только потом осознал я его правоту, понял, в чем мое назначение. Только потом, спустя годы... тогда я не знал еще прозы, не дозрел до нее... И сильно мне мешал этот хрусталь – весь этот блистающий парадный антураж.

...С Юрой мы часто потом встречались и говорили о многом. Но этот наш разговор особенно мне запомнился. Ведь именно тогда, впервые, он натолкнул меня на мысль о биографической серии! Для того чтобы мысль эта созрела и обрела конкретное воплощение, понадобилось много времени; прошло почти двадцать лет. Но и сейчас (когда я пишу эти строки) я помню с поразительной отчетливостью – как если бы это было вчера – все детали того вечера, и общую атмосферу застолья, и Юрины суждения и советы».

В тот же вечер Георгий сообщил Юрию, что приехал в Москву нелегально. Трифонов сказал: «Ерунда, ты только не трепись!» И, поворачившись к Ниночке – добавил:

– Знаешь, он чем-то мне напомнил сейчас наших отцов. Когда-то они вот так же воротились из Сибири – один из ссылки, другой с каторги, – и поначалу жили нелегально, прятались, готовились к перевороту...»[26 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Хочу все сам!»].

Нарушение паспортного режима ерундой вовсе не являлось. Сосед по московской квартире написал донос, и Георгия задержали. В доносе еще указывалось, что в столе у него лежит финский нож, за хранение которого грозил срок до двух лет. К счастью, мать Георгия Лика, убираясь в его комнате, забрала «финку» от греха подальше и тем спасла сына от очередного ареста. В отделении капитан милиции, обращаясь на «ты», с удовольствием перечислил ему список старых и новых грехов: «Он оперся о стол локтями, сложил кисти рук и начал перечислять – поочередно загибая пальцы:

– Белогвардейская родня – раз. Уголовное прошлое – два. Мы запросили Центральный тюремный архив и знаем теперь всю подноготную... Ты ведь кто? Майданник, поездной грабитель. И к тому же рецидивист. Неоднократно судимый – это три... Вот, таков общий фон! Ну и на этом фоне – твое последнее деяние. Вместо того, чтобы после лагеря прибыть, как положено, на место поселения, ты что сделал? Скрылся, бежал. И затем появился в Москве – в режимном городе – нелегально, без прописки. Таким образом, ты нарушил сразу два пункта в существующем законодательстве. Сразу два!»[27 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Допрос».]

Юрий Трифонов. Москва, начало 1950-х гг.

Георгий Трифонов с матерью Ликой. Москва, 1952 г.

На Георгия завели дело, и ему грозил новый срок. Он попробовал вывернуться, делая по-блатному «голубые глаза», то есть врал «на голубом глазу». Но выручила его все-таки опять мать:

«И, войдя в полутемный, сумрачный кабинет следователя, я с ходу – с порога – начал ерничать, кривляться; мне нужно было задать тон, создать подходящую атмосферу.

– Бонжур, гражданин начальник, – как спалось? Мне, например, – плохо. Я же понимаю, зачем вы меня вызываете. Но предупреждаю сразу, бейте не сильно! У меня от битья выпадает кишка... Я только ласку принимаю, только ласку! Мне ее с детства не хватало. Моя несчастная, бедная, глупая мать...

И тут я увидел мою мать. Она сидела сбоку от стола – у стенки – в каком-то тигровом плаще, с огромной лакированной сумкой на коленях. Рядом с ней помещался незнакомый мне военный, в полковничьих погонах. Оба они поворотились теперь ко мне. И во взгляде матери я уловил изумление.

Капитан Прудков – он стоял в глубине комнаты, покуривая и теребя усы, – сказал, прерывая мою тираду:

– Бонжур, бонжур! Настроение, я вижу, переменилось. Что ж, это неплохо. Тем более что и обстоятельства тоже меняются...

Мать поднялась медленно – шагнула мне навстречу. Лицо ее задрожало, губы поджались, кривясь. Сейчас же полковник, вскочив со стула, проговорил, учтиво тронув ее за локоть:

– Успокойтесь, прошу вас! Все ведь уже улажено. Остались небольшие формальности – они не займут много времени. Я сам за всем прослежу. Можете так и передать Никулынину.

Затем он быстро подошел к Прудкову – о чем-то быстро, коротко потолковал с ним. И удалился, поскрипывая сапогами.

– Ну, здравствуй, непутевый, – сказала мне мать.

– Здравствуй, – сказал я. – Вот не ожидал!

– Ты какой-то странный сегодня. – Она внимательно оглядела меня. – Что с тобой?

– Тут поневоле станешь странным, – проворчал я, пожимая плечами. – Еще бы! Схватили, кинули в камеру. Мотают новый срок...

– Больше уже – не мотают, – сказала мать. И всхлипнула, уронив на плечи мне руки. – С этим кончено... С этим кончено... Ты – свободен.

– Свободен?

– Да, да!

– Так чего же ты плачешь?

Я сказал это хрипло, с перехваченным горлом. И почувствовал вдруг, что у меня самого как-то странно защипало в глазах...»[28 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Бог любит троицу».]

«Судьба уготовила мне иные пути»

Избежав ареста, Дёмин решил больше не испытывать судьбу и отбыть в Абакан в назначенную ссылку. На вокзале Юрий Трифонов передал ему рекомендательное письмо от поэта Григория Поженяна, который просил бывшего однокурсника по Литинституту, иркутского журналиста, помочь Дёмину напечататься. Поэтому в

дороге Дёмин не сделал пересадку в Красноярске, а поехал дальше в Иркутск. Появившись в редакции газеты, он выдал себя за московского автора, приехавшего в Сибирь «за романтикой». Ему поверили, но после первой же публикации на адрес редакции пришел положительный отзыв из лагеря под Ангарском:

«Привет, шарамыга!

Вся наша кодла в восторге. Мы прочли твои куплеты в газете и рады, что ты, наконец, раскрутился, победил и сумел доказать этим б...ям, фрайерским этим мордам, что настоящие урки тоже не лыком шиты, и талантов у нас навалом, и культуры то же самое, хватает, – хоть отбавляй. И вот это мы разъяснили начальнику режима, и он, гад ползучий, стушевался, аж позеленел. Он ведь тебя знает, помнит еще по штрафняку на Курейке. И он сказал: не может того быть! А мы ему, ублюдку, сказали: вот, гляди! И потом смеху было на весь барак... А куплеты у тебя складные. Не хуже Пушкина. Так что, давай, держись, и шуруй в том же духе!»

Подписи под текстом не было. (Да она и не требовалась – я сразу узнал старых своих друзей!)[29 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Привет, шарамыга!»].

Газета была партийным органом, в котором публиковали только проверенных товарищей. Письмо прочли все, включая главного редактора, и Дёмину пришлось пренебречь гонораром и незаметно отретироваться.

С критическим опозданием, чреватом объявлением в республиканский розыск, Дёмин прибыл в Абакан, где его, как ссыльного, определили на самую низовую работу – лесорубом в район Восточно-Саянского хребта. Там он задержался недолго, и начались его сибирские скитания. Он брался за любую, самую диковинную работу: отбивал чечетку и исполнял под гитару свои песни, работал в театре ассистентом гипнотизера, там же был гримером, нанимался матросом, был директором сельского клуба.

После смерти Сталина объявили амнистию, и с уголовников снимали судимости. Дёмин начал жизнь с чистого листа. Он стал работать журналистом поочередно в Абакане, Тайшете, Кызыле, публикуя стихи и очерки на самые разные темы: об урожае, о религиозных сектах, о сибирских реках Енисее, Ангаре, Лене, о

встречах в тайге. О себе Дёмин написал:

«...наконец-то занялся тем, к чему меня всегда влекло, что меня искренне интересовало. А более всего интересовала меня история, этнография, фольклор. И сейчас я думаю, что в этом-то и заключалось мое настоящее призвание. Однако судьба уготовила мне иные пути. Совсем иные – путаные. Трудные, ведущие непонятно куда...»[30 - Дёмин М. Рыжий дьявол. Гл. «Рожденный из слез».]

В то время как в Москве Трифонов искал свою тему в литературе, Георгий пробивался в Сибири, что стоило ему еще больших усилий:

«Время гнуло нас, пригибало к земле. И трудно, очень трудно было тогда разобраться в жизни и в себе. Мы оба с ним метались в исканиях. Конечно, каждый по-своему. И нашли себя не сразу. У него это случилось после успеха и произошло в тиши. Ну а мне с самого начала выпала другая карта – крестовая масть.

Крестовая масть; казенный дом и дальние дороги... Бродяжья тоска и вечная бездомность...»[31 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «На восток».]

Редактор одной газеты заметил одобрительно: «У тебя хорошее перо». Но чтобы закрепиться на одном месте, только этого было недостаточно. Необходимо было соответствовать всем писаным и неписаным нормам поведения, что Дёмину давалось хуже всего. Рано или поздно он попадал в какую-нибудь историю, после чего был вынужден менять работу. Например, он собирал материал о шаманах и для этого присоединился к геологической партии, располагавшей своим транспортом. Экспедиция из алтайской тайги напрямую проследовала в Монголию, и пограничники пропустили всех по коллективному предписанию. По возвращении начальник отряда написал рапорт не только о самовольном пересечении Дёминым государственной границы, но и о его контактах с буддийскими монахами и рассуждениях о Библии, после чего ему вменили в вину пропаганду религии. После таких сигналов приходилось срочно исчезать, путая следы.

Сам Георгий считал, что ему ни в чем никогда не везло, поэтому и «в лагере не перепадало мясо в супе». В одной сибирской газете его даже определили в «редакцию неудачников», но и оттуда он был вынужден скоро уйти. Однажды он

нанялся на китобойное судно. Плавание шло безрезультатно, и по суеверию матросов, следовало найти и посадить на берег неудачника. Георгий все понял и при первой же возможности списался с корабля. Его никто не удерживал.

Правда, при всех неудачах в некоторых вопросах Георгию, безусловно, везло. Он пользовался успехом у женщин. Действие своего мужского обаяния он обнаружил в лагере:

«В моей жизни неожиданно началась новая полоса: мне вдруг стало везти на женщин. Раньше я как-то не общался с ними, не сталкивался вплотную, да и не особенно стремился к этому. Женщины казались мне (вероятно, по аналогии с матерью) существами странными, лукавыми, абсолютно чуждыми мне во всем. Теперь же все изменилось. Я словно бы открыл для себя новый мир! И мир этот оказался вовсе неплох...»[32 - Дёмин М. Блатной. Гл. «Новая полоса»].

Женщины часто помогали ему в жизни и давали поэтическое вдохновение. Одно из стихотворений лирического цикла Дёмин посвятил редактору иркутской газеты Ирине, которая организовала его первую публикацию:

Папиросы, Диккенс, крепкий чай.

Тишина. А за окном ненастье.

В форточку, распахнутую настежь,

Хлопья залетают невзначай.

Снег валит. И вдруг, сквозь свет лиловый,

Возникает город тополевым.

Много лет прошло, а вот, поди же,

До сих пор я мост иркутский вижу!

В хлопьях белых, в тополиной вьюге,

Сколько раз стояли мы вдвоем.

Говорили – каждый о своем.

Думали упорно друг о друге...

Ветер был. Он бился о железо.

Воду волновал у волнореза.

И была тревожно-холодна

И ясна ангарская волна...

И бела была твоя рука.

Пухом, опушенным у виска,

Снежным нежный завиток казался.

Ты сказала:

«Позвоню с вокзала».

И ушла. И не было звонка.

Вот мне и остались по ночам —

Папиросы, Диккенс, крепкий чай.

Что еще? Тот мост, твои слова...

Ты ушла... А может, ты - права?

И, лицом прижавшись к мокрому стеклу,

Именем твоим я окликаю мглу[33 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Побег».]

«Мишаня»

Издав в Сибири две книги, Георгий вновь приехал в Москву уже «на белом коне». В 1964 году его приняли в Союз писателей СССР. В Москве он женился на Майе, у которой уже была дочь, и переехал к ней жить. До этого ему приходилось кочевать от одних родственников к другим. Его бывшему соседу все же удалось лишить его московской жилплощади. Гоша удочерил Майину девочку и зажил нормальной семейной жизнью. Именно в этот период мой отец с ним часто виделся, он вместе с женой Майей бывал у нас дома.

Об этом периоде вспоминал его приятель Станислав Куняев:

«Я вернулся в Москву из Тайшета в 1960 году и начал работать в журнале «Смена». Там и познакомился с Мишей Дёминым, Мишаней, – сутуловатым, рано полысевшим человеком, с замашками профессионального блатного, у которого за пазухой был целый ворох смешных, скабрёзных и печальных историй, связанных с воровской жизнью, с пересыльными пунктами Сибири и Востока, с Норильском и Тайшетлагом. Еще работая в Тайшете, я знал, что где-то в Абакане, на другом конце строящейся магистрали Тайшет— Абакан, живет поэт с загадочной и романтической судьбой: мы тогда уже начинали печататься в сибирской прессе, слыхали друг о друге еще до встречи в Москве и встретились как старые знакомые в коридорах столичного журнала, куда устроился работать и Мишаня... Был он человеком открытым, контактным и бесцеремонным.

– Старичок, привет! Слышал я о тебе в Абакане, ну, пошли куда-нибудь, за родную Сибирь-матушку примем по сто пятьдесят!

Мишаня приходился двоюродным братом известному писателю Юрию Трифонову – отцы их, донские казаки, были родными братьями, и оба, как весьма заметные военачальники времен гражданской войны, занимали высокие посты в сталинское время... В 1937 году одного расстреляли, другой умер от инфаркта.

Целеустремленный Юрий Трифонов в послевоенное время выбился в писатели, стал одним из самых молодых лауреатов Сталинской премии за роман «Студенты» – сын «врага народа»! – а бродяга и авантюрист Мишаня пошел по «блатной линии», но пристрастился в лагерях к стихотворчеству, и потому мы встретились в «Смене». Несколько лет подряд мы жили обычной жизнью провинциальных поэтов в Москве, самоутверждались, бражничали, дружили, словом, жили как люди...»[34 - Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. Цит. по: Белоусенко Л. Михаил Дёмин (имя собств. Георгий Евгеньевич Трифонов) (1926–1984).].

Георгия в семье все любили. В рассказе «Серое небо...» Юрий Трифонов написал: «...и была какая-то другая сила, заставлявшая меня его любить». Вторая жена Трифонова, Алла Павловна Пастухова, на мой вопрос, любил ли отец Гошку, отвечала: «Любил в той мере, в какой был на это способен». При этом они относились друг к другу несколько ревниво. Юрий был более успешным, правда отчасти благодаря матери, бабушке и наставникам из литинститута, тогда как Георгий всего добился сам, без чьей-либо поддержки. Он и образование получал не дома, а в тюремной камере, стихи писал на лесоповале. Юрия восхищала авантюренность и раскованность Гошки, его дар рассказчика, которым сам не

обладал.

Моя тетья Татьяна – строгая, немногословная, не показывавшая своих эмоций женщина, характером похожая на свою «железную» бабушку Словатинскую, – всегда светлела лицом, когда речь заходила об ее двоюродном брате, и была готова оказать ему любую услугу. Именно она встречалась с женой Георгия Майей, чтобы помочь в заочном расторжении их брака в Москве. Ей принадлежала оценка литературного труда Юрия и Георгия Трифоновых: «Оба писали прекрасно. Но Юрий был профессионалом, а Гошка – любителем». Надо иметь в виду, что Татьяна всегда ставила своего брата выше других современных писателей.

Юрий Трифонов и Михаил Дёмин. Москва, 1960-е гг.

Однако положиться на Георгия было трудно. Он легко давал обещания, но редко их выполнял. Чего стоили его уверения, что он привезет из Сибири и оденет в меха – соболя, песца, лисы, куницы – всю женскую половину семьи Трифоновых! Конечно, дело до этого никогда не доходило. Он мог обмануть, мог даже и украсть, что отражено в повестях Трифонова. Но в семье его все равно любили. Младшая сестра Сонечка так мне и сказала: «Как же можно было его не любить?» И добавила: «Он никогда никого ни о чем не просил, но и сам никому ничего не делал».

Георгий растрогал меня после смерти мамы, подарив лично мне огромную раковину со старинной камеей. Возможно, эта камья была дореволюционной и принадлежала его матери – «маркизе» Лике. Своим подарком он выразил свое участие, я это запомнила. А после первой поездки в Париж он просто завалил меня дарами – вещами своей племянницы, дочери Пуппи. Привез он мне и ее фото, на котором она выглядела настоящей красавицей с голубыми глазами и длинными русыми волосами. Как русалка Марины Влади. Я понадеялась, что теперь так всегда и будет.

«Куда пускают по выбору»

В 1960-х годах Советский Союз разрешил своим гражданам навещать родственников за рубежом. Лика, посетив сестру в Париже, договорилась с ней, что та пригласит и Георгия, как племянника. Осенью 1967 года Георгий отправился во Францию, откуда вернулся под Новый год. 6 января 1968 года Трифонов написал своему другу драматургу А. Гладкову:

«...31 декабря вернулся мой братец Гошка из Парижа, где пробыл 3 месяца. Надо быть Гошкой, чтобы так прекрасно распорядиться таким огромным сроком. Он говорит, что Парижа по-настоящему не видел, а провел все эти дни среди русских «бывших» эмигрантов. Каждый вечер в кабаках. Приехал худой, больной, измученный. Говорит, что поругался с родственниками, бывшими монархистами, кадетами, черносотенцами и пр. Говорит, что все донские русские в Париже – страшные антисемиты. Только он и слышал: «жиды», «жиды». Там есть музей «казачья лейб-гвардия», куда пускают по выбору. Наш консул сказал с сожалением Гошке – «нам туда пути нет». Гошку пустили, так как там висят портреты его предков со стороны матери – Денисовых-Орловых. Старичок, генерал Позднышев, давал объяснения. (Генералом стал в Париже, у Деникина был не то капитан, не то полковник.) Рассказывает Гошка удивительно много интересного. Его тетка, содержательница бистро с русской водкой и закуской, и ее дочь – Гошкина кузина – читали и воспитывались на произведениях Растопчиной и Краснова (Хемингуэя, например, ни та, ни другая не читали, о современных русских писателях не знают).

Трижды встречался Гоша с Б. Зайцевым. Тот подарил ему книгу. Словом, в руках у моего брата – клад! Но он, черт дурной, ничего не напишет. А ведь можно было бы какую книжищу отгрохать: от 1918 года, Новочеркасск, Деникин, Ростов, Думенко, Буденный, бегство, Париж, жиды, тоска, нищенство, война, немцы, умирающие генералы, офранцуженные дети, бистро, всеобщее забвение... В гостях у Тошкиных родственников собралась следующая компания: граф Шувалов, князь Андроников, княгиня Голицына и т. и. публика. Гошка говорил, что он их перевоспитывал. Кое-что он рассказал о похищении Кутепова.

– А ихний папаша был на стороне красных... – щелкнув каблуками, доложил старичку Позднышеву другой старичок, в меньшем чине...

Боюсь, что все эти рассказы так и сгинут за столиками в ЦДЛ.

Плохо, что Гошка вдребезги разругался со своей теткой, уезжая...»[35 - Шитов Л. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 1997. С. 380–381.]

В своем дневнике, мне было тогда шестнадцать лет, я тоже отразила это событие:

«31.12.1967

Вчера должен был приехать из Парижа Гошка. Папа с Майей поехали в Шереметьево. Ждали до часу ночи. Самолет застрял в Ленинграде. Приехал сегодня утром из Ленинграда на поезде в то время, как Майя поехала встречать его на аэродром. Приехал с флюсом. Папа с ним разговаривал по телефону. Сказал, что очень устал, ничего не успел посмотреть, перессорился со всеми русскими (они – антисемиты). Я тете Жене (Евгении Вахмистровой. – О. Г.) рассказывала, она хохотала».

Позже выяснилось, что Георгий делал всем «голубые глаза». На самом деле он завел в Париже интрижку с кузиной Пуппи по линии тетки, пригласившей его во Францию. Пуппи была разведенной, одного с ним возраста, имела дочь. Они договорились, что вскоре он опять приедет во Францию и останется с ней. Но об этом Георгий не сказал никому ни слова – ни брату, ни жене с приемной дочкой, ни друзьям. Наоборот: «вдребезги разругался со своей теткой, уезжая», «поругался с родственниками, бывшими монархистами, кадетами, черносотенцами», рассказывал, «что он их перевоспитывал», то есть показал себя политически грамотным, морально устойчивым, как и подобало советскому писателю. Тем не менее Юрий Трифонов отметил в дневнике:

«...Гошка нашел клад, а рассказывает о кабаках, о бл...ях. Иногда смешные истории... Гошка – худой, бледный, измученный, и какая-то затаенность. Готовность к прыжку. Мне знакома эта уголовная затаенность в нем»[36 - Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей // В кн.: Дом на набережной. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. С. 426–427.]

Куняев, друживший с Дёминым, тоже отметил перемену, происшедшую с ним после поездки в Париж:

«С помощью Юрия Трифонова, поручившегося за него, Мишаня съездил во Францию. Вернулся каким-то другим: обалдевшим, молчаливым, замкнутым. Через год-два поехал к кузине во второй раз... и не вернулся! Это, пожалуй, был первый «невозвращенец» из писательского клана»[37 - Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия.].

Вторая супруга Юрия Трифонова Алла Пастухова, редактор серии «Пламенные революционеры» «Политиздата», рассказывала мне, что вскоре после приезда Георгия из Парижа к нему в Москву приезжала Пуппи. Юрий Трифонов пригласил всех в ресторан «Арагви». Ничего не подозревающая Майя, жена Георгия, пыталась во всем подражать модной француженке. Вообще Георгий Алле не нравился: имел блатные манеры, был слишком развязан, сразу переходил на «ты», ко всем мужчинам обращался «старик». При этом она сразу догадалась, что у Георгия и Пуппи завязались отношения. Своими наблюдениями она поделилась с Трифоновым, но отец ей не поверил. Однако она оказалась права.

Через несколько месяцев Георгий снова собрался во Францию. При посредничестве Аллы он договорился с «Политиздатом», что напишет книгу о парижском периоде эмиграции Ленина, а по рекомендации Юрия взял писательскую командировку для сбора материала. В конце 1968 года, когда мы были на даче в Красной Пахре, по «вражеским голосам» объявили, что писатель Юрий Трифонов попросил политического убежища во Франции. (Как известно, Георгий и Юрий – одно и то же имя, поэтому неудивительно, что западные радиостанции их перепутали.) Помню, какой возник переполох. Хотя после ввода войск в Чехословакию в августе 1968 года Георгий часто повторял: «Здесь нечем дышать», никто не предполагал, что дело пойдет так далеко. И вообще к этому никто не был готов, так как до Дёмина «писателей-невозвращенцев» не было. Особенно досталось моему отцу, давшему за него поручительство. Его вызывали в инстанции, аннулировали уже согласованные заграничные командировки и сделали «невыездным»:

«В конце 1968 года Г.Е. Трифонов, двоюродный брат Ю. Трифонова, находясь в туристической поездке во Франции, принял решение не возвращаться на родину. Немедленно последовала реакция КГБ. Его (Трифонова. – О. Г.) не пустили за границу, на международные спортивные соревнования».

В. Кардин: «После 1956 года анкетная дискриминация выглядела особо изощренным издевательством, Ю. Трифонову надлежало теперь отвечать не за

отца, но за двоюродного брата. Приятели успокаивали, как умели, уверяли: через год-другой пустят...»[38 - Шитов Л. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981. С. 393.].

Отъезд Георгия явился для Трифонова вторым тяжелым ударом после смерти жены Нины Нелиной в 1966 году. Они с Георгием хорошо понимали друг друга, у них было общее детство, они одновременно потеряли отцов, пережили общую трагедию. Трифонов всегда старался ему помочь, а тот уехал, не простившись, не сказав ни слова, как бы «воткнул нож в спину». К тому же отец понимал, что, скорее всего, они больше никогда не увидятся. Для него это была большая потеря. Кроме того, Георгий крепко подвел его с Аллой. Конечно, жена Дёмина Майя испытала еще больший шок. Похожие чувства разделяли и друзья. Куняев написал: «Я переживал утрату Мишани, как личную драму».

В апреле 1970 года Трифонова все-таки послали в Монголию, возможно, полагая, что там уж он точно не захочет остаться. Помню, отец, усмехаясь, вручил мне по возвращении привезенные оттуда махровые полотенца, которые тогда были у нас в дефиците. И написал о Монголии рассказ «Ветер» (1970). Когда писал, видимо, думал о Гошке, ведь тот однажды самовольно отправился в Монголию из Тувы. Георгием была навеяна атмосфера рассказа: герой задыхался в пустыне, ему не хватало воздуха, он пил валидол (вспоминались слова Гошки: «Здесь нечем дышать»). В конце рассказа старый монгол говорит многозначительно: «Здесь недостаток кислорода. Сначала все задыхаются, а потом привыкают»[39 - Трифонов Ю. Ветер // В кн.: Избранные произведения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. С. 232. Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Мыс Дежнева».].

Мне всегда обидно, когда Дёмина воспринимают только как «писателя-невозвращенца». Прежде всего, он человек трагической судьбы, с юности живший под дамокловым мечом, опасаясь ареста в любой момент. Однажды осознав, что его имя включено в «черный список» и за ним повсюду следует объемистое досье, он нигде не чувствовал себя в безопасности. Поэтому желание эмигрировать возникло у Дёмина давно. У него было несколько возможностей, но его удерживала мечта стать писателем, кажущаяся осуществимой только в России:

«Вот уже третий раз в жизни вставала передо мною проблема бегства, проблема эмиграции. Судьба упорно и повсюду подсовывала мне этот шанс! Она как бы искушала меня... Впервые это произошло давно, во Львове, у западных границ

отечества. Затем – в сибирской тайге, у монгольских рубежей. И вот теперь – опять. И тоже у границы, на самой крайней, восточной точке Азиатского континента. Я пересек – из края в край – всю свою страну (а это, как-никак, одна шестая часть света!). И много перемен случилось за истекшие годы, а проблема бегства так и осталась – мучительной, трудной, больной... И всякий раз, сталкиваясь с ней, я безотчетно колебался, и в самый последний момент – отказывался, выходил из игры.

Сейчас я, наконец, сумел полностью разобраться в внутренних своих противоречиях. Конечно, мне очень хотелось увидеть мир, пошляться по планете! Но беда в том, что все варианты, предлагаемые мне, не были «чистыми». Старый мой приятель, Копченый (помните его?), был политический авантюрист, а Стась – авантюрист полууголовный. Первый имел дело со всякими разведками, второй же – с браконьерами и контрабандистами... А я не желал «нечистых» путей! Я действительно устал от дерьма. Ну, а для новых, других путей сам еще был не вполне пригоден... Мне еще предстояло найти себя. Сделать себя! И осуществить это я конечно же мог только здесь, на суровой своей земле. На родине.

На родине, которая, кстати, никогда не была ко мне добра. Которая вечно меня отвергала, преследовала и, в общем, сама принуждала к бегству, толкала – прочь, за рубеж...»[40 - Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Мыс Дежнева»].

В конце концов, именно мать Лика подтолкнула его к отъезду, помогла Дёмину выполнить задуманное, договорившись с сестрой о приглашении во Францию. Не обязательно, что детали были с ней обговорены, но давний план Дёмина реализовался. При этом остались и некоторые вопросы.

Как мог в советское время человек с криминальной биографией получить разрешение на выезд за рубеж, к тому же в капиталистическую страну – да еще дважды в одну и ту же в течение одного года?

Почему Дёмин вернулся из первой поездки, если хотел эмигрировать? Зачем нужно было сложно организовывать повторный выезд с вовлечением кузена, его жены, «Политиздата» и Союза писателей? И почему в автобиографических произведениях Дёмин писал, что остался во Франции сразу после первой поездки, навещая родственников как турист (в частности, в эпилоге «Рыжего дьявола»)?

С какой стати Дёмин, навещавший в Париже родственницу-политэмигрантку, вел с консулом доверительные беседы о посещении закрытых белогвардейских клубов, когда тот посетовал «нам туда пути нет»? Как осмелился советский турист, впервые попавший за границу, обсуждать свои нежелательные контакты с аккредитованным дипломатом?

В свои романы (прежде всего «Рыжий дьявол»), написанные на Западе, Дёмин вставил множество своих очерков из сибирских газет. Вряд ли эти периферийные многотиражки поступали во французские библиотеки, и вряд ли оскорбленная жена стала бы с риском для себя пересылать их в Париж. Или Дёмин вывез архив с собой? Тогда каким образом? И не за ним ли он вернулся в Москву из первой поездки?

«Живу я на дурацком Западе»

Жизнь Георгия на Западе складывалась не совсем гладко. Зарабатывал он нерегулярно, хотя ему удалось написать и напечатать автобиографическую трилогию «Блатной», «Таежный бродяга» и «Рыжий дьявол», впоследствии переведенную на несколько языков. Первые годы он работал на радио «Свобода», но потом оттуда ушел. С Пуппи Дёмин тоже что-то не поделил. Он говорил, что она его обворовала, присвоив его гонорары. За это он ее якобы побил, но деньги обратно не получил. Она утверждала, что он прокутил ее бистро. Зная Георгия, я склоняюсь ко второй версии, но, возможно, правда где-то посередине.

В архиве Трифонова сохранились два письма Георгия из Парижа без даты, посланные из предосторожности с оказией. Одно адресовано лично ему, второе некоему Борису, другу Георгия по Абакану, но оно осталось у Трифонова (видимо, адресата не нашли). Сопоставляя факты, эти письма можно датировать 1973 и 1974 годами:

«Париж, весна 1973?»

Дорогой Юра!

Пользуюсь случаем для того, чтобы черкнуть тебе пару строк. В общем, живу я на дурацком Западе – как на чужой планете. Скучаю по Москве, по Сибири, пишу свой роман (к зиме он, очевидно, выйдет – в Германии[41 - Первый роман Дёмина «Блатной» вышел первоначально в немецком переводе в Германии в 1973 г., что позволяет датировать письмо первой половиной 1973 г. (На русском языке впервые появился с сокращениями в нью-йоркском журнале «Время и мы» в 1978 г.)]), шляюсь по парижским кабакам – ну и, в принципе, все. Друзей у меня здесь почти нет. Да их, в сущности, нет ни у кого. Знакомых – хороших – тоже мало. Со старой эмиграцией я рассорился начисто. А с новой (с такими, например, как Кузнецов[42 - Кузнецов Анатолий (1929–1979) – второй «писатель-невозвращенец», попросивший политического убежища в 1969 г. в Лондоне и выехавший из СССР в командировку для подготовки романа о Ленине (!) на II съезде РСДРП.]) сближаться сам не хочу. Вот такие дела, брат. Скучные дела. Все мои иллюзии по поводу свободного мира давно развеялись, и теперь я вижу, что все в этом мире – дерьмо.

От Пуппи я давно ушел: не выдержал б...детва и хамства. С ее семьей и с их окружением порвал решительно; тут ведь тоже у меня были иллюзии... Я думал, что найду интеллигенцию, голубую кровь, благородство – а попал в окружение монстров. Это, друг мой, среда жутковатая... Особенно – наши, донские. Ведь они служили у немцев, все прогнили, живут без чести и совести. И, кстати, лютой ненавистью ненавидят Россию и всех нас – советских. Кто бы ни был приехавший из Советского Союза, – для этих ублюдков человек чужой, ненавистный, подозрительный, при всех обстоятельствах – «советский». Ты не представляешь, в какой мир вражды и сплетен попал я! Да и каждый попадет, в принципе, в такую ситуацию... Прискорбно, что мы – живя в России – не знаем, не осознаем всего этого. Во всяком случае, я никому из московских моих друзей и знакомых не советовал бы бросать родину. На благословенном этом Западе хорошо себя чувствуют беглецы типа Кузнецова – спекулянты, подонки и мелкие жулики. (Хотя и он, судя по всему, тоже мечется и по-своему тоскует.)

Тем не менее я выбор сделал – и назад уже не вернусь. Советский режим – это ведь мафия. А я ее законы знаю. Знаю, что мафия безжалостна и никому не прощает отступничества. Когда-то я участвовал в «сучьей войне», а теперь вот ссучился сам. А может, и нет – не ссучился... Но все равно: возврата мне нету.

Хотелось бы как-то наладить связь с тобой – переписываться хоть изредка... Но не знаю, как это сделать. Больше всего я боюсь повредить тебе.

Передай привет всем нашим, а также нашим общим друзьям: я никого не забыл, вспоминаю обо всех часто. И, в сущности, только сейчас начал понимать, как ужасно жить без родных, без близких и друзей. Если ты видишься с Майей – поклонись ей от меня. Я виноват перед ней, и знаю это, и казнюсь постоянно. И сознаю свою подлость по отношению к ней: она достойна была лучшего... Но что же теперь поделывать?

Не поминай меня лихом, старик. Жму твою руку.

Мих. Дёмин».

«Париж, 1974?

Дорогой Борис!

Пишу тебе потому, во-первых, что давно уже хотел это сделать и только все не мог найти okazji... Теперь эта возможность нашлась. В Москву едут мои добрые друзья и передадут письма Юрке и тебе. Если ты с ними увидишься – они сами расскажут тебе многое обо мне... Оба они хорошо знают мою повседневную жизнь.

Жизнь эта, старик, не так-то легка и безоблачна, как это может показаться со стороны. Я, конечно, сам ее выбрал – и роптать теперь глупо. (Был я влюблен, и был я дурак, и, кроме того, – имел одну идею: написать в спокойствии серию книг о своей жизни... Первую – ты уже, кажется, получил. Она сейчас выходит (переводится) во Франции, в Америке, в Англии, в Японии, Израиле, Испании, Мексике и т. д.) В Германии она уже вышла – и прошла неплохо... Но, к сожалению, денег это пока что дает мне мало. По меньшей мере, придется ждать еще год, пока издания на всех языках начнут что-то приносить...

А этот год у меня особенно трудный! Я ждал своих ребят, думал, что соберется хоть какая-то своя профессиональная среда... Но нет. Ничего не вышло. Даже, наоборот, – чем больше приезжает сюда русских, – тем сильнее становятся интриги, сплетни, взаимная вражда...

Ты, наверное, знаешь, что я – долгое время – подрабатывал на радио Либерти. Американцы приглашали меня на службу, но я не согласился и предпочел держаться независимо. И продавал им свои романы, различные воспоминания... Причем поставил условие, что я буду делать только то, что захочу сам, и никаких заказов и спецзаданий принимать не буду. Американцы согласились – и так все и шло... До тех пор, пока сюда не хлынул поток шпаны. Раньше я мог как-то смягчать ситуацию, опираясь на свой авторитет писателя, принадлежавшего к левым кругам... Потом повалили шустряки – из этих самых якобы кругов. И все их поведение, и стиль, и идеи – все оказалось иным, противоположным – мне! Я говорил, что русская интеллигенция независима и горда и не принимает никаких спекулятивных зигзагов. И не продается. И хочет только одного – истины... Получилось все наоборот. Понаехавшая шпана оказалась такой низкопробной – готовой на все, продающейся за копейку, обливающей дерьмом все наше, русское, родное. Делаящей все это в угоду любым покупателям... И мои акции сразу же рухнули. Американцы потребовали теперь, чтобы я им начал служить всерьез. Я отказался, естественно, – и наши отношения испортились. Очевидно, скоро мне придется уйти... И я окажусь на мели. Дело в том, что я здесь живу в стороне ото всех группировок. Со старой эмиграцией я разошелся. К организациям типа НТС отношусь иронически, и они это знают. Устроиться преподавать литературу в какой-нибудь университет я не могу, так как для многих там я – фигура одиозная, беглец, предатель... Ну, а с американскими профессионалами я, как уже говорил, тоже не сошелся.

Все это, в общем, грустно. И появление Володи (Максимова. – О. Г.) тоже не принесло мне радости. Он приехал какой-то весь воспаленный, остервенелый[43 - Поскольку речь заходит о только приехавшем в Париж Владимире Максимове, письмо можно датировать 1974 г.]. Ходит по городу в сопровождении стукачей из американской разведки. И упрекает меня, что я – обмещанился, не борюсь с коммунизмом и хвалю по радио Леонида Мартынова или Витю Бокова... Он успел уже накапать на меня американским боссам... И вообще – суется и кривляется просто уже как-то клинически.

Что происходит, старик? Что происходит?

Ну ладно. Кончаю писать. Жму твою руку. О тебе я помню, старик, и жалею, что в этих моих бедствиях нет со мной тебя, – как тогда, в Абакане, помнишь?

Если сможешь – напиши. Твой Георгий»[44 - Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей. С. 427–431.].

Как видно из этих писем, Дёмин натянул отношения и с белыми эмигрантами, и с приехавшими в Париж диссидентами, включая писателя Владимира Максимова, создателя и редактора журнала «Континент». Тот обвинил Георгия, что он – агент Москвы, засланный во Францию доглядывать за русскими эмигрантами. Знакомые утверждали, что, скомпрометировав Дёмина в глазах кураторов радио «Свобода», Максимов расчистил место для себя. Тот же самый сценарий Максимов попытался повторить и с Андреем Синявским, но это не прошло, и они поссорились навеки. Интересно, что биографии Максимова и Дёмина очень похожи. То же детство без родителей, криминальная юность, тюрьма, лагерный срок по уголовной статье, ссылка, путь в литературу через газету. И тот же вопрос: как Максимов с уголовной биографией попал за рубеж? Но есть и разительное отличие: откуда у Максимова были средства, чтобы жить в центре Парижа (Николаю Бердяеву по карману был только Кламар), на широкую ногу («Ужин у Максимова... Хозяйка в бриллиантах. Посуда и убранство – княжеские. Откуда? У Генриха Бёлля все было много-много скромнее, даже беднее», – написал посетивший его в Париже Ю. Трифонов[45 - Там же. С. 579.]?) Как удавалось Максиму издавать журнал, платить авторам гонорары и даже стипендии?

Как написал Юрий Трифонов в «Отблеске костра», хоть и по другому поводу:

«Это загадка, которая стоит многих загадок. Когда-нибудь ей найдут решение, и все, вероятно, окажется очень просто... потому что основная идея – написать правду, какой бы жестокой и странной она ни была. А правда ведь пригодится – когда-нибудь...»[46 - Трифонов Ю. Отблеск костра. М.: Советский писатель, 1966. С. 55.]

Непрозрачность предприятия Максимова и насаждаемые им придворные нравы в журнале «Континент» произвели крайне неблагоприятное впечатление на Трифонова, посетившего Францию в 1980 году. Литературовед Ю. Щеглов встретил Трифонова после той поездки:

«Возвратившись из Парижа... он сказал мне горько:

– Вика Некрасов получает деньги у Максимова!

Я не знал, где сам Владимир Максимов брал деньги, меня и сегодня это, признаться, мало волнует, но Трифонова источник беспокоил, и он не раз повторял:

- Подумать только! Некрасов зависит от Максимова! Трудно теперь объяснить, в чем тут было дело. Я далек от эмигрантской среды, от ссор и столкновений, взаимных обвинений, болезненной правды и постыдных сплетен, но Трифонов не был далек от всего этого. Что-то его раздражало, унижало, бесило. Он остро переживал обстоятельства, в которых очутились люди, ему небезразличные»[47 - Щеглов Ю. Литературная газета. 1995. 6 сентября; цит. по: Шитов Л. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981. С. 635.].

Имя Дёмина не упоминалось, может, Щеглов даже ничего не знал о нем, но видно, что Трифонов был очень зол на Максимова, и здесь незримо присутствовала обида за брата.

«Никому не дано сделать бывшее небывшим»

Во время своей поездки во Францию в 1980 году Трифонов посетил Марка Шагала (друга молодости своего первого тестя Амшея Нюренберга – отца Нины Нелиной) и нашел Гошку. Как он написал в дневнике:

«Кажется, никогда не испытывал такого волнения, как перед звонками Гошке, разве что еще – перед встречей с Марком Шагалом. Если они живы, и я вижу их, значит, моя прошлая жизнь существовала...

Гошка: «Никому не дано сделать бывшее небывшим»[48 - Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей. С. 578.].

В разговоре с братом Дёмин сообщил, что был доволен тем, что сумел написать и опубликовать на Западе свою трилогию «Блатной», «Таежный бродяга», «Рыжий дьявол», но пожаловался Трифонову, что он и там не смог обрести равновесия и хотел бы вернуться на родину. О том же вспоминал и писатель В. Шанин:

«В середине 70-х Александр Исбах, писатель и литературовед, автор научно-художественных биографий Л. Арагона и Д. Фурманова, будучи в ФРГ, случайно

встретил Михаила Дёмина, и тот с тревогой и надеждой в голосе робко спросил его: «Могу ли я вернуться на родину?» Свой ответ поэту сам Исбах передает так: «Конечно, можешь, но для начала отсидишь в тюрьме, а потом как писатель начнешь все сызнова!» За точность фразы не ручаюсь, а по сути – верно. Дёмин изменился в лице, сказал: «Значит, не судьба!» – и ушел. Ушел навсегда.

...А над берегом – рев норд-оста,

Брызги слез штормовых... Видать,

Даже рекам не так-то просто

Землю отчую покидать!»[49 - Шанин В. Он судьбу свою не досказал // Красноярский рабочий. 2003. 24 января.]

О возвращении на родину Дёмин говорил и со своим старым другом Куняевым:

«В 1980 году, через тринадцать лет после расставания с Мишаней, я приехал туристом в Париж... Как-то получилось, что вся вторая половина дня была у нас свободной. Я вышел в холл гостиницы, не зная, чем заняться, и на глаза мне попала толстенная телефонная книга... «А нет ли в ней Миши Дёмина?!» – внезапно мелькнуло в моей голове. Я начал листать гроссбух и – о чудо! – смотрю, фамилия моего Мишани латинскими буквами напечатана. И телефон! Оглянувшись по сторонам, я набрал прямо из вестибюля номер. «Алло!» – раздался хрипловатый, прокуренный, знакомый голос с вальяжной приклатненной интонацией.

– Мишаня! Ты, что ли?

– Ну я, а кому это я нужен?

Через полчаса, взяв такси, я уже ехал по адресу, а Мишаня вместе со своей женой-француженкой накрывал на стол...

Несколько часов за «Смирновской» и всяческой пикантной закуской («Старичок, отведай – это печень кабана, а это паштет из оленины») мы просидели в маленькой однокомнатной квартирке Дёмина с уголком для сна, отгороженным ширмой, предаваясь воспоминаниям. Его жена – милая женщина, заведующая маленьким машинописным бюро, старательно обслуживала нас,

почти ничего не понимая по-русски, разве что кроме крепких общенародных и одновременно лагерных словосочетаний, которыми Миша по привычке расцвечивал свою речь.

Но перед тем как выпить последнюю рюмку, он попросил меня внимательно выслушать его:

– Старик! Ты же знаешь меня – никакой я не антисоветчик! На радиостанциях я не блядовал, приехал к кухне – ну, влюбился в бабу, промотал ее «быстро», выгнала она меня, ну, нахлебался я говна из парши! Я ведь не политик, а уголовник. И в привокзальных гостиницах мыкался, и блефовал, ну, в конце концов, накропал два романа (представляю, как это нелегко было Мишане с его патологической ленью!), «Блатной» и «Перекрестки судеб» в двух частях, – Мишаня осклабился во всю блестящую стальную гармошку зубов на смуглом лице, – одна часть «Тайна сибирских алмазов» и другая «Пять бутылок водки» – ты представляешь, как я об этом могу написать! Ну, давай за встречу! – Он опрокинул рюмку, закусил «мануфактурой» и продолжал: – Словом, из нужды я выбился без помощи всяких этих аксеновых, гладилиных, «континентов», сам себе издателей нашел, сам на ноги встал... Но не в этом дело. Слушай сюда. Антисоветчиком я никогда не был, и ваше КГБ знает это лучше нас с тобой. Просто мне захотелось по белу свету перед смертью пошляться! Ну, ты же меня понимаешь?! По бардакам походить, хорошей водочки попить, закусить тем, чего душа желает... Но родина! – Мишаня выпятил вперед и без того громоздкую челюсть и помотал головой. – Я вреда ей никакого не принес. Майку, жену мою московскую, обидел? Да! Кухину разорил? Да! Но родине жизнь моя убытка не принесла... А потому – ты же начальник, я слышал, – поговори сам знаешь с кем: вдруг разрешат Мишане вернуться на родину... Жизнь дожить и помереть там хочу, а не здесь...

Железный, закаленный на сибирских ветрах, Мишаня внезапно для нас обоих прослезился, мазнул ладонью по лицу и налил по «самой последней».

– Поговори, прошу тебя, с кем надо...»[50 - Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия.].

«Он всегда был большим мистификатором»

Последние десять лет жизни Дёмин прожил с Мари-Шарлоттой Крайс, которая преданно и бескорыстно о нем заботилась и во всем поддерживала, в том числе

материально, хотя и была на двадцать два года младше – она родилась в 1948 году. Ее мать была русской, из разветвленного рода поэта Лермонтова. После революции их семья бежала из Ялты на корабле сначала в Марокко, а затем во Францию. Отец Шарлотты был француз из Эльзаса. Поэтому ее девичья фамилия звучала на немецкий манер – Крайс. Шарлотта приехала в Париж учиться с юга Франции, где у ее деда был дом. Потом она работала в прессе, но сама ничего не писала. Она познакомилась с Георгием у общих знакомых, когда ей было двадцать пять лет, а Дёмину сорок семь. Вскоре после знакомства она уехала к родственникам на юг. И вдруг на свое 26-летие получила от Дёмина 26 роз. (Даже сейчас, рассказывая об этом эпизоде, она улыбалась, ей было приятно об этом вспоминать.) К тому времени Дёмин уже ушел от Пуппи и жил в маленькой «комнатке для бонны» под самой крышей, недалеко от кладбища Пер-Лашез. Довольно скоро Шарлотта и Георгий съехались вместе и сняли студию – однокомнатную квартиру. Он плохо говорил по-французски, а Шарлотта плохо владела русским («У меня детский русский язык», – говорила она). Но русский она понимала, и они могли общаться. По словам Шарлотты, Дёмин много работал. Писал, консультировал одного режиссера по фильму о ГУЛАГе, работал на радио «Свобода». Во Франции его называли Юрой и путали с кузеном, чему он не препятствовал. Он всегда был большим мистификатором.

В июне 1983 года Дёмин с Шарлоттой ездили в Нью-Йорк на презентацию его книги и встречу с читателями. Тогда же Дёмин впервые встретился со своим дальним родственником, племянником генерала Святослава Денисова. А когда они вернулись в Париж, Георгий замкнулся в себе и перестал выходить на улицу. (Возможно, после поездки в Америку он впал в депрессию, поскольку рассчитывал получить работу в русскоязычной части Нью-Йорка, но у него не получилось?) После поездки в Нью-Йорк он до такой степени исчез из общественной жизни Парижа, что продавец магазина русской книги Editions reunies, знавший Дёмина по литературным вечерам, сказал мне, что все думали, будто он умер. Нежелание выходить на улицу и кого-то видеть он даже назвал болезнью. 23 марта 1984 года у Дёмина случился инсульт, и он скончался в больнице через три дня – 26 марта 1984 года. Он умер через три года после Юрия Трифонова, скончавшегося в 1981 году. В этом они опять повторили судьбы своих отцов: умерли рано и один вслед за другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дёмин М. Блатной. Гл. 40 «Судилище».

Цитаты из произведений Дёмина даются по текстам из Интернета (с сайта royallib.com), поэтому библиографические данные и страницы не указываются.

2

Майданник- вор, специализирующийся по кражам в поездах и вокзалах.

3

Дёмин М. Блатной. Гл. 47 «Этап, этап, телячьи вагоны».

4

Софья Трифонова, 1935 г. р., в прошлом работник финансового сектора, сейчас живет в подмосковном городе Жуковский.

5

Трифорова Т. Долгая жизнь в России. М.: Собрание, 2008. С. 155.

6

Российское зарубежье во Франции (1919–2000). Биографический словарь: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 2008.

7

Трифонов Ю. Отблеск костра. М.: Советский писатель, 1966. С. 7–8.

8

В повести Ю. Трифорова «Исчезновение» его отец и дядя фигурируют под вымышленными именами: Валентин Трифонов – под именем Николай Баюков, Евгений Трифонов – под именем Михаил Баюков.

9

Трифонов Ю. Исчезновение. М.: АСТ, 2000. С. 170.

10

Валентин Трифонов также имел дочь от первого брака – Евгению Вахмистрову. Моя бабушка Евгения Лурье поддерживала с ней хорошие отношения. В семье их называли «Женя большая» и «Женя маленькая».

11

Трифонов Ю. Исчезновение. С. 314.

12

Дёмин М. Блатной. Гл. 12 «Беда».

13

Трифонов Ю. Исчезновение. С. 166–167.

14

Трифонов Ю. Серое небо, мачты и рыжая лошадь. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1987. С. 243–244.

15

Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье».

16

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Воля».

17

Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье:

18

Трифонов Ю. Исчезновение // В кн.: Дом на набережной. Время и место. М.: АСТ – Олимп – Астрель, 2000. С. 306.

19

Дёмин М. Блатной. Гл. 15 «Поезда двадцатого столетия».

20

Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье».

21

Дёмин М. Блатной. Гл. 11 «Подмосковье»;

22

Там же.

23

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Вокзал».

24

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Блудный сын».

25

Трифонов Ю. Исчезновение. С. 190.

26

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Хочу все сам!».

27

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Допрос».

28

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Бог любит троицу».

29

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Привет, шарамыга!».

30

Дёмин М. Рыжий дьявол. Гл. «Рожденный из слез».

31

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «На восток».

32

Дёмин М. Блатной. Гл. «Новая полоса».

33

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Побег».

34

Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. Цит. по: Белоусенко Л. Михаил Дёмин (имя собств. Георгий Евгеньевич Трифонов) (1926–1984).

35

Шитов Л. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 1997. С. 380–381.

36

Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей // В кн.: Дом на набережной. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. С. 426–427.

37

Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия.

38

Шитов Л. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981. С. 393.

39

Трифонов Ю. Ветер // В кн.: Избранные произведения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. С. 232.

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Мыс Дежнева».

40

Дёмин М. Таежный бродяга. Гл. «Мыс Дежнева».

41

Первый роман Дёмина «Блатной» вышел первоначально в немецком переводе в Германии в 1973 г., что позволяет датировать письмо первой половиной 1973 г. (На русском языке впервые появился с сокращениями в нью-йоркском журнале «Время и мы» в 1978 г.)

42

Кузнецов Анатолий (1929–1979) – второй «писатель-невозвращенец», попросивший политического убежища в 1969 г. в Лондоне и выехавший из СССР в командировку для подготовки романа о Ленине (!) на II съезде РСДРП.

43

Поскольку речь заходит о только приехавшем в Париж Владимире Максимове, письмо можно датировать 1974 г.

44

Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей. С. 427–431.

45

Там же. С. 579.

46

Трифонов Ю. Отблеск костра. М.: Советский писатель, 1966. С. 55.

47

Щеглов Ю. Литературная газета. 1995. 6 сентября; цит. по: Шитов Л. Юрий Трифонов: Хроника жизни и творчества 1925–1981. С. 635.

48

Трифонов Ю. Из дневников и рабочих тетрадей. С. 578.

49

Шанин В. Он судьбу свою не досказал // Красноярский рабочий. 2003. 24 января.

50

Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия.

Купить: https://tellnovel.com/ru/demin_mihail/blatnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)